

После августа 1991-го они все казались единомышленниками.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ "НВ"

В "окно возможностей" влезать тяжело

Егор Гайдар в роли ответчика

"Новое время". Семь лет реформ – и семь лет разговоров о трудностях и тяготах преобразований. Скажите, легко ли было начинать. Ведь это – попытка изменить страну, изменить родину...

Егор Гайдар. Фундаментальная проблема начала реформ в России – и в этом отличие от реформ в восточно-европейских странах – состояла в том, что в России крах инструментов традиционной социалистической экономики, всегда связанных с эффективной тоталитарной властью, контролем за материальными потоками через использование механизма директивных указаний, не сопровождался автоматическим формированием каких бы то ни было работающих инструментов рыночной экономики. Крах социализма в этих странах совпал с крахом высшей власти. Социализм разваливается, перестает работать, но это абсолютно не гарантирует, что к этому моменту есть эффективная частная собственность (и даже какие бы то ни было законы, защищающие частную собственность), нормальная инфраструктура финансовых рынков, минимальное рыночное внешнеэкономическое законодательство... Где-то эта проблема решается легче, на основе восстановления старого

законодательства – там, где период социализма был более короткий. Специфика Советского Союза состояла в том, что его крах – реально он произошел осенью 1991 года, когда законы перестали действовать, указания исполняться, силовые структуры функционировать, – не привел к автоматическому формированию даже самых базовых предпосылок для существования рыночной экономики.

Рыночная экономика – это денежная экономика. Денежная экономика подразумевает контроль за денежным обращением – это единый центральный банк. А не пятнадцать или шестнадцать банков, как в Советском Союзе того времени. Первая серьезная параллель, которая приходит в голову, – Австро-Венгерская империя после Первой мировой войны. Там три центральных банка – чешский, австрийский и венгерский – могли короткое время эмитировать общие деньги. Но три банка, а не пятнадцать.

Не работает советская система контроля за внешнеэкономической деятельностью. Перестала работать таможня, она реально не контролирует границы Эстонии, Латвии, Литвы. Соответственно нет и республиканских таможенников.

Но есть вещи, которые абсолютно необходимы немедленно. А вам

говорят: подождите, подождите, вот вам опять Госплан, Госснаб, директивы, задания, конфискации, реквизиции... Да не получается! Для этого нужно совершить некий набор силовых и политических действий, которые задают очень своеобразную траекторию развития. Ведь для того, чтобы председатель колхоза сдавал хлеб, по существу, задаром, у него должна быть генетическая память, что если он этого не сделает, то его снимут, а может быть, и посадят. А нового страха еще нет. Он не появился перед новой властью.

И еще одна существенная вещь: Россия – это большая экономика. А в условиях, когда у вас полтора десятка центральных банков, преимущества на стороне малых экономик. В соревновании за экспорт инфляции выигрывают малые экономики. Они опережающе наращивают денежную массу и экспортируют инфляцию в большие экономики.

С первого дня работы нашего правительства мы стали создавать начальную инфраструктуру рынка. Представления о том, что мы думали – вот разморозим цены и будет всеобщее счастье, далеко не соответствуют действительности. Реальные представления были такие: нет абсолютно никаких – бюджетных, валютных, любых – резервов в условиях неработающей системы, а ведь нужно бесконечно многое, чтобы система работала нормально, и очень многое для того, чтобы она вообще заработала. Условно говоря, у тебя нулевые заключенные договора на 1992 год, и при этом, если 1 января ты не разморозишь цены, у тебя просто все развалится.

Существовала фундаментальная проблема – проблема разрыва. Разрыва между развалом старой системы и необходимостью с максимальной скоростью создать минимальные предпосылки новой системы, настолько минимальные, чтобы просто знать, что эта новая система не развалится. Хотя бы не развалится. Не то, что она будет растущая, замечательная, справедливая – а вообще – не развалится! Вот этот разрыв – а он составлял полгода – был фундаментальной проблемой российских реформ. И с самого начала осознавался нами как важнейшая проблема.

"НВ". Была ли эта проблема единственной в то время?

Е.Г. Надо учитывать, что еще на это накладывалось. Традиция недоверия к национальной валюте – все точно знали, что на "деревянный" рубль купить ничего нельзя. И никогда будет нельзя. Идея, что когда-нибудь можно будет прийти в обменный пункт и купить доллары, кажется массовому советскому человеку эпохи ноября 1991 года совершенно идиотской. Он точно знает, что так вообще быть не может. Это исключено! Идея, что можно будет прийти в Москве и на рубли купить товары,

В конце 1991 года парламент был "за" реформы. Энтузиазма хватало ненадолго

как где-нибудь в Варшаве, уж не говоря об Амстердаме, — эта идея еще более идиотская, потому что ты точно знаешь, что этого не будет ни при тебе, ни при твоих детях, ни при твоих внуках. Как не было ни при твоих родителях, ни при твоих дедушках... В этой связи весь набор норм массового поведения работает против доверия к политику, собравшемуся что-либо менять. Возьмите торговлю: она привыкла жить на дефиците. Для торговли появление товаров на прилавках — это слом всей социальной системы, потеря социального статуса для всех, кто занят там. Ну как так? Я должен улыбаться и рассказывать о товаре, вместо того чтобы милостиво, так уж и быть, подавать у заднего крыльца?! Массовые потребительские инстинкты работают в ту же сторону: если хоть что-то можно купить на такие рубли, надо немедленно покупать — ведь потом будет только хуже. Если у вас в руках есть жесткие инструменты денежного регулирования, вы, разумеется, можете "продать" эти стереотипы. Другое дело, когда у тебя нет этого резерва, нет возможностей для проведения жесткой бюджетной политики... Что делать?

В этой связи нет решения, которое было бы не только оптимальным, а вообще гарантировало бы мягкую посадку. Абсолютен единственный вариант, при котором ты размораживаешь цены, а взамен получаешь стремительный вход в гиперинфляцию. Здесь есть разница между гиперинфляцией и высоким уровнем инфляции, которую мы переживали уже несколько раз. Эта разница не количественная, она — поведенческая.

"НВ": В чем состоит эта разница, на Ваш взгляд?

Е.Г. Ее немножко можно понять, если вспомнить начало сентября нынешнего года, когда у нас по известным всем причинам инфляция выскочила на гипервысокий уровень. Что происходит в таких случаях? Не про-

сто начинают дорожать товары, а начинают высыхать каналы рыночного товарооборота. И гиперинфляционная экономика — это вновь потенциальная экономика дефицита, потому что деньги перестают выполнять свою нормальную функцию поддержания текущего товарооборота.

В этой связи наш кошмарный сон 91-го был связан с тем, что не размораживать цены нельзя, но это немедленно вводит нас в режим гиперинфляции. Мы решились в этой ситуации все равно размораживать цены, одно-

временно и параллельно создавая инфраструктуру для их регулирования, причем — быстро, и еще раз параллельно проводя социально предельно конфликтную и политически неприятную, вредную для нас процедуру: компенсировать собственную жесткую финансовую политику, проводимую в России, мягкой политикой в отношении соседних стран постсоветского пространства. Понимая при этом, что мы вот тут корячимся из-за элементарной копейки экономики, а завтра украинское правительство выставит счет, который в два раза превышает наши расходы на военное строительство. И мы ничего не можем сделать.

Нам говорят: посмотрите, какую правильную политику проводит украинское правительство! Как здорово, социально мягко ведут свою политику в Украине. Не то что вы — глупые монетаристы. Когда мы начинаем вести спор по черноморскому флоту, то торгуемся за каждую копейку. А украинцы нам отвечают: да мы вам выпишем, сколько надо, столько и выпишем.

"Окно возможностей" — это время для резкого реформаторского продвижения вперед, это несколько месяцев, когда вы много можете сделать в период, когда старая система развалилась, старые хозяйственно-политические элиты дезорганизованы, а новая система не создана. У вас есть этот короткий шанс — на фоне всеобщего хаоса.

Вот в этом, на мой взгляд, трагедия российских реформ 1991 - 1992 годов: совпадение политического "окна возможностей" с предельно слабым государством и отсутствием минимально необходимых инструментов финансового регулирования. А окно-то все

плотнее и плотнее закрывается: консолидированная оппозиция начинает понимать "ужас монетаристских страшных рецептов, которые придуманы для гибели России".

Но катастрофа, объявленная произойти осенью 1991 года — нор-

мальный голод, паралич любых систем жизнеобеспечения, повторение сценария 1918 года, — эта катастрофа не произошла. За успех мы заплатили огромную цену — закрытие "окна политических возможностей", оттянутой финансовой стабилизацией, длинным периодом высокой инфляции, укореняющимися в этих условиях дурными нормами экономического поведения — бартер, взаимозачеты и так далее.

Потом было несколько коротких эпизодов, открывающих новые "окна возможностей", скажем, осень 1993 года. Тогда многое было сделано для создания базы для финансовой стабилизации в стране. Тогда мы имели набор благоприятных возможностей: огромные полномочия президента, норма деморализованная оппозиция. Именно в это время нужно было пойти на жесткие меры в проведении реформаторской политики. Но к сожалению мы не имели в то время достаточной политической воли, энергии...

После этого мы вступаем в период, когда у нас политика неуверенная и колеблющаяся, институциональное строительство медленное, в парламенте массовой поддержки нет, создание базового законодательства проходит с трудом, а по многим вопросам не проходит вовсе. Налоговая реформа оказывается остановлена и надолго. Реформа системы социальной защиты оказывается хронически заблокированной. Структурные реформы различных направлений, например, военная — размазана.

"НВ". Вам не кажется, что мы сейчас стоим в той же точке, что и в 1991 году: гиперинфляция сентября, отсутствие структурных реформ, кризис и так далее. И вот сейчас, семь лет спустя, давайте констатировать, что это было — вихрь или бег по кругу?

Е.Г. Мне кажется, все-таки был виток. При всей внешней схожести, ситуация 1998 года фундаментально иная. В 1991 году мы жили в экономике, в которой десятилетиями не было рынка, рыночных институтов и рыночного опыта. У массового, многомиллионного слоя людей не было понимания, что это вообще такое. Это важнейший фактор отличия.

Второе — тогда не было рыночного законодательства. Масса вещей стала привычной. Сегодня интеллигентная бабушка в очереди понимает то, что не понимали советские академики того периода. Вот сегодняшняя реакция людей на

кризис: они могут тем или иным образом быть недовольными положением дел, но они уже точно не хотят ветоварного социалистического общества. Даже у левой оппозиции сложилось понимание того, что нетоварная эконо-

